

Депривационный подход к социальному самочувствию населения

Аннотация

В статье предлагается рассмотрение социального самочувствия в трансформирующихся обществах сквозь призму социальной депривации. Автор трактует подход к фиксации социального самочувствия (Е.И.Головахи и Н.В.Паниной), построенный на основе рационально-фактологических суждений в плане достаточности или недостаточности материальных и нематериальных благ, как депривационный.

Под социальной депривацией в целом понимается неравенство доступа к социальным благам, а также состояние, обусловленное подобным ограничением. Масштаб последствий этого явления зависит от его распространенности и характера. Поэтому следует размежовывать такие виды социальной депривации, как относительная, абсолютная и множественная.

Одним из преимуществ депривационного подхода является возможность не только измерять социальное самочувствие населения в целом, но и фиксировать структуру актуальных и наиболее напряженных социальных потребностей и выявлять группы социальной эксклюзии. Для примера в статье осуществлен краткий обзор некоторых социально-демографических групп, которые по тем или иным причинам не чувствуют себя интегрированными в общество.

Кроме того автор предлагает в рамках рассматриваемого подхода остановиться на таких социально-психологических процессах, как социальное сравнение и социальная адаптация, поскольку они оказывают непосредственное влияние на социальное самочувствие.

Ключевые слова: *социальное самочувствие, социальная депривация, социальная эксклюзия, социальное сравнение, социальная адаптация*

Период трансформации любого общества, в том числе и украинского, обычно сопровождается социально-экономическими и политическими преобразованиями, изменением положения всех социальных групп, распадом

социальных связей и формированием новых и в итоге осложнением адаптации большей части населения к меняющимся условиям внешнего мира. Общая оценка людьми такой ситуации и своего места в обществе выражается в низких показателях социального самочувствия. А длительное влияние депривационных факторов обостряет и без того сложные для восприятия населением изменения, связанные с перестройкой устоявшейся социальной системы.

Под социальным самочувствием мы понимаем эмоционально-оценочную реакцию индивида, социальной группы или общества в целом на систему социальных отношений и свое место в этой системе. С одной стороны, это самочувствие характеризует соотношение между уровнем притязаний человека и степенью удовлетворенности потребностей, а с другой — отражает качество социальной системы и является субъективным показателем эффективности государственной политики и основанием для прогнозирования предстоящих изменений в обществе.

При исследовании социального самочувствия целесообразно проанализировать те материальные и социальные ограничения, которые непосредственно влияют на ощущение человеком удовлетворенности жизнью. Главное при этом — сосредоточиться не на объективных показателях, а на субъективном восприятии людьми достаточности/недостаточности тех или иных благ, поскольку, как показывает теоретический анализ литературы и данных социологических опросов, проблематика исследования социального самочувствия тесно связана с явлением социальной депривации¹.

Под социальной депривацией преимущественно понимают неравенство доступа к социальным благам; состояние, когда люди ощущают недостаток того, в чем больше всего нуждаются; социальный процесс, при котором уменьшаются возможности удовлетворения основных жизненных и социальных потребностей индивида и, отсюда, растет неудовлетворенность на уровне индивидуального, группового и массового сознания [Котляров, 2006: с. 8]. Процессуальный подход к определению социальной депривации, по моему мнению, наиболее полно охватывает как причины, так и следствия данного явления для общества и его отдельных групп.

Понятие социальной депривации социальные психологи и социологи изучают более полувека, однако в 1980-х годах наступило определенное затишье, но уже в 1990-х подобные исследования вновь возобновились. Активное использование концепций депривации и эксклюзии в контексте проблем бедности и неудовлетворенности в течение последних двух десятилетий расширило знания о субъективном восприятии качества жизни.

Рассмотрение социального самочувствия людей сквозь призму депривированности потребностей нуждается в размежевании таких видов депривации, как абсолютная и относительная, поскольку они оказывают разное влияние на ощущение удовлетворенности и полноты жизни.

Абсолютная депривация является состоянием, когда человек не может удовлетворить свои базовые потребности из-за отсутствия доступа к основным материальным благам и социальным услугам, таким как продукты питания, жилье, образование, медицина и т. д. В отличие от абсолютной, отно-

¹ См., напр.: [Котляров, 2006; Головаха, 1997].

сительная депривация является следствием ощущения лишенности определенных материальных или нематериальных ценностей по сравнению с другими членами референтной группы. То есть она возникает из-за различия “ценностных ожиданий” (блага и условия жизни, которых, по мнению людей, они заслуживают) и “ценностных возможностей” (блага и условия жизни, которые люди считают реалистичными и справедливыми для себя). Наиболее четко механизм возникновения относительной депривации отражает схема У.Рансимена: А не имеет X; А знает о других, у которых есть X; А хочет иметь X; А верит, что обладание X реалистично¹.

Теория относительной депривации была предложена американским социологом С.Стауффером с соавторами в работе “Американский солдат” (1949), но точнее ее сформулировал У.Рансимен в 1966 году. Он исследовал относительную депривацию и социальную справедливость в контексте отношения людей к социальному неравенству. А одним из первых, кто воспользовался концепцией относительной депривации, чтобы понять причины социальной девиации, был Р.Мертон. Детальный историко-теоретический обзор литературы, касающейся относительной депривации, осуществили, в частности, Е.Уолкер и Г.Смит [Walker, 2002: p. 1–10].

В обществах со стабильной экономикой наиболее актуальным является изучение проблемы влияния на удовлетворенность жизнью и на социальное самочувствие именно относительной депривации. Об абсолютной депривации и ее значении для субъективной оценки качества и комфорта жизни имеет смысл говорить при выяснении причин низкого уровня социального самочувствия в странах третьего мира и в развивающихся государствах. Относительная депривация в таких обществах вероятнее всего не слишком сильно повлияет на общественные настроения из-за довольно сильной полярности по вектору “бедный–богатый”. При более-менее равных условиях люди там занимают примерно одинаковые позиции в группе, и получение определенных преимуществ перед другими членами группы — весьма сложный процесс. Поэтому ощущение социальной зависти к себе подобным возникает здесь реже, чем в развитых странах. Скорее можно говорить о негативном влиянии абсолютной депривации на психологический комфорт всех членов общества в ситуации, когда общие экономические и социальные показатели благополучия находятся на достаточно низком уровне.

Наряду с абсолютной и относительной депривацией в литературе встречается также понятие множественной депривации, содержание которого сводится к сочетанию факторов неравного доступа к общественным благам в различных сферах [Соціологія, 2002: с. 85]. Низкий доход или безработица могут сочетаться с плохим жильем, слабым здоровьем и низким уровнем образования. Казалось бы, именно такая “смесь” более всего объясняет причины низкого уровня социального самочувствия. Однако однозначно утверждать это весьма рискованно, поскольку здесь начинают действовать различный уровень притязаний, способность к адаптации и т.п. Вполне возможно, что одинарная депривация будет восприниматься гораздо труднее,

¹ Схема У.Рансимена представлена на сайте Википедии (источник: Relative deprivation [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://en.wikipedia.org/wiki/Relative_deprivation).

чем депривированность одновременно в разных сферах жизни, поскольку подобная ограниченность может иметь различные субъективные причины.

Основными задачами в рамках депривационного подхода являются выделение индикаторов депривации и определение, в какой мере именно они свидетельствуют о реальном снижении уровня и качества жизни в конкретном обществе. В оценке социального самочувствия депривационный подход, наоборот, прежде всего заключается в выявлении материальных и социальных ограничений в разных сферах жизни и предполагает анализ границы депривации, за которой социальное самочувствие начинает приобретать негативный характер. Однако этот “порог” может быть разным с точки зрения временных и пространственных границ, ведь в разные исторические периоды и для разных обществ существуют свои социальные стереотипы, идеалы и пр., относительно которых люди оценивают собственную жизнь.

Эти вопросы так или иначе уже рассматривались учеными из разных стран, в основном при исследовании проблем бедности и социальной эксклюзии. Так, западные социологи обычно используют методiku П. Таунзенда, который выделил набор индикаторов депривации экспертным методом [Townsend, 1987: p. 130–131]. Он указывает на наличие такого уровня депривации, который измеряется количеством ограничений и выше которого материальное положение индивида или домохозяйства должно ухудшаться медленнее, а его динамика не будет принимать обвального характера. Эта методика совершенствовалась и подкреплялась эмпирически, например, в рамках Британской серии исследований черты бедности в середине 1980-х годов. С начала 1990-х интерес к этому научному подходу возрастает и в России. Активно в этом направлении работают Ф.Бородкин, Н.Давыдова, Н.Меннинг, М.Можина, К.Муздыбаев, Н.Тихонова и др. Например, в исследованиях бедности в России было выделено четыре ступени депривации, где на четвертой находится та доля населения, которая не может позволить себе даже нормально питаться, а на первой — семьи, которые нуждаются в улучшении условий жизни и не могут приобрести современные дорогие предметы длительного пользования, что, по мнению российских социологов, соответствует в России положению “среднего класса” [Бедность, 1998]. Замечу, что большинство исследований в постсоветском пространстве акцентируют внимание на экономической депривации как важной детерминанте социального самочувствия. А такое сосредоточение на материальной составляющей ощутимо искажает знание о реальном самочувствии граждан, поскольку нивелируется множество социальных и социально-психологических ограничений, препятствующих комфортному самоощущению людей в обществе.

В последнее время все более популярным становится употребление термина “социальная эксклюзия” в противовес “бедности”, особенно в социологическом подходе к этой проблематике [Абрахамсон, 2001: с.160]. В Украине теоретическими вопросами социальной эксклюзии занимаются Р.Жиленко, Н.Ильченко, С.Оксамитная, О.Ревнивцева, Н.Толстых, В.Хмелько и др.

Социальную эксклюзию обычно рассматривают на двух уровнях. На макроуровне, то есть в отношении всего общества, изучают, кто и почему имеет право распоряжаться основными благами и кто лишен такой возможности. В узком понимании социальную эксклюзию рассматривают на микроуровне, то есть акцент смещается на ее носителей и на то, в чем заключается специфика их жизненной ситуации по сравнению с другими членами общества [Тихонова, 2003: с. 41].

Поскольку социальное исключение чаще всего понимают как частичное или полное исключение индивидов или социальных групп из социальной структуры общества и общественных процессов, было бы ошибочным считать, что к данной группе относятся только представители низших ступеней общества. Социально исключенными следует признать всех тех, чью жизнь определяют равнодушие и жесткий контроль со стороны других групп общества, а не личный выбор. Необходимые блага эта группа получает по остаточному принципу, а ее потребности учитываются лишь тогда, когда дальнейшее игнорирование их будет угрожать интересам определенных субъектов (власти, олигархических групп и пр.) или существованию общества в целом [Ревнівцева, 2008: с. 101].

Исчерпывающую и весьма интересную в этом ракурсе информацию можно найти в докладе П.Абрахамсона, посвященном сути данного явления. Под эксклюзией он понимает отстранение от мейнстрима, пребывание “на дне” или вне общества. Основными показателями являются: 1) невыгодное социальное положение по образованию, квалификации, занятости, жилищным условиям и т.п.; 2) невозможность для индивида получить доступ к основным социальным институтам, распределяющим эти жизненные шансы; 3) устойчивость подобных ограничений в течение длительного времени [Абрагамсон, 2001: с. 158–166]. В отличие от социальной депривации, социальная эксклюзия имеет менее динамичные характеристики, поскольку индивида можно считать социально исключенным лишь при условии, что ограниченность доступа к тем или иным благам сохраняется или ухудшается в течение определенного периода.

Социальное исключение может быть связано с врожденными статусами человека или социальной группы (национальность, расовая принадлежность, пол, физические и умственные ограничения) либо с приобретенными статусами (которые человек приобретает благодаря новым знаниям, навыкам и умениям в течение всей жизни).

Если исследования бедности акцентировали внимание на статичности явления (прежде всего недостаточном уровне потребления), то новая концепция сконцентрирована на динамичных аспектах неравенства. В ней было введено понятие “множественности социальных проблем” — накопления взаимопорождаемых жизненных обстоятельств. Концепция социальной эксклюзии в отличие от концепции бедности ближе к исследованиям социального самочувствия, поскольку активно ориентирована на практическую деятельность в сфере социальной политики и направлена на смену способов преодоления бедности с учетом повышения жизненных шансов разных групп населения.

Главными причинами высокого уровня социального отчуждения в Украине, по данным мониторинга правозащитной организации “Общая цель” соблюдения статьи 30 Европейской социальной хартии [Бортнік, s. a.], является отсутствие у людей, которые живут или могут оказаться в подобной ситуации, эффективного доступа к фундаментальным социальным правам — работе, жилью, профессиональной подготовке, образованию, культурным благам, социальной и медпомощи, что является требованием данной статьи. В итоге такие социальные группы, как национальные и языково-культурные меньшинства, молодежь, женщины, безработные, инвалиды и малообеспеченные слои населения, наталкиваются на существенный риск попасть в зону социальной эксклюзии или уже испытывают ее.

Подробный список признаков депривации в отношении материальных и социальных благ, на основе которых можно говорить о принадлежности домохозяйств к неблагополучным, предлагает российская исследовательница Н.Тихонова. Среди основных форм отчуждения респонденты в ходе проведенных ею интервью чаще всего называли невозможность дать детям качественное образование, отлученность от культурной жизни и низкий уровень социального участия, невозможность планировать собственную жизнь, устроиться на работу, иметь нормальное жилье, получать необходимую медицинскую помощь и т.п. Это исследование дает весьма широкий срез различных форм социальной эксклюзии, но в его рамках Тихонова не выходит на уровень выявления последствий распространения данного явления в обществе, где существует большое количество не включенных в жизнь общественного организма семей, и выяснения влияния его на социальное самочувствие людей. Хотя частично проанализированы самооценки социального положения и интенсивность определенных чувств в выделенных группах социальной эксклюзии. Вместе с тем при построении индекса социальной эксклюзии его автор определила черту, за которой люди не ощущают себя интегрированными в общество; в частности, она учитывала показатели удовлетворенности жизнью, наличия одинаковых проблем в жизни в разных группах людей и т.п. [Тихонова, 2003: с. 47]. Все эти виды депривации можно проанализировать также с позиции социального самочувствия. То есть можно выдвинуть гипотезу, что невключенные (неинтегрированные) в общество люди имеют показатели социального самочувствия ниже среднего уровня, что может также служить границей разделения на группы социальной эксклюзии и социальной инклюзии. Однако подобный анализ не предлагался, учитывая иную исследовательскую цель автора указанного исследования в рамках проекта «Бедность и социальная эксклюзия в России: региональные, этнонациональные и социокультурные аспекты».

Удачнее всего в этом контексте депривационный подход был применен украинскими социологами Н.Паниной и Е.Головахой при конструировании интегрального индекса социального самочувствия (ИИСС). Поскольку, как они утверждают, отсутствие или нехватка благ в разных сферах жизни непосредственно влияют на социальное самочувствие [Головаха, 1997: с. 23]. Основанием для разработки индекса было то, что имеющиеся методики либо отражали определенные грани социального самочувствия, обычно крайне непостоянные и настроенческие, либо не соответствовали условиям переходного общества. Они преимущественно давали картину на уровне общественного сознания, но не объясняли более глубокие процессы, происходящие в обществе. В результате интенсивных и динамичных изменений возникла потребность отойти от эмоционально-оценочного подхода к социальному самочувствию. Предложенный украинскими социологами подход можно назвать рационально-фактологическим, построенным на косвенной оценке фактической достаточности или недостаточности указанных социальных благ. Преимуществом данного индекса является то, что в его структуре учтены различные сферы жизнедеятельности человека: социально-политическая, социально-культурная, профессионально-трудовая, информационно-культурная, рекреационно-культурная, материально-бытовая, сферы социальной безопасности, социальных и национальных отношений,

межличностных отношений, а также аспект социальных качеств личности [Головаха, 1997: с. 21–23].

Особенность предложенной шкалы достаточности состоит в двухуровневости измерения. Первый уровень (“интересует — не интересует”) позволяет зафиксировать структуру актуальных социальных потребностей, второй уровень (“хватает — не хватает”) характеризует напряженность потребности, недостаточное удовлетворение которой приводит к снижению общего уровня социального самочувствия [Головаха, 1997: с. 24]. Такая двухуровневая оценка дает возможность сравнивать распространение социальных потребностей как в социальном пространстве (на уровне разных социально-демографических групп), так и во времени (динамика изменений в структуре общественно значимых потребностей). Кроме того, это позволяет выявлять реальный уровень социальной депривации в разных группах населения и напряженность потребностей у тех, кто по тем или иным причинам не интегрирован в общество. Полученная информация важна для социальной политики, поскольку делает возможным не только тактическое (как в случае с потребностью в быстром реагировании на изменчивые социальные настроения), но и стратегическое мышление. Частично она может выполнять и прогностическую функцию, хотя, по моему мнению, для этого следует учитывать еще и поведенческий фактор. Имеется в виду социальная активность человека, направленная как на улучшение собственного благосостояния, так и на развитие и совершенствование всего общественно-организма (общественная деятельность).

Такое понимание социального самочувствия вытекает из современных концепций качества жизни, в которых акцент смещен на субъективные показатели благополучия в сочетании с объективными показателями. Целесообразно также сосредоточить внимание в большей мере на социальном, а не индивидуальном, сугубо психологическом уровне. Этот подход И.Козаченко называет универсалистским, подчеркивая его перспективность для Украины, хотя и отмечает, что патерналистские ориентации большинства населения “делают неоправданным включение в инструментарий исследования довольно большого количества социальных индикаторов” [Козаченко, 2009: с. 206]. С этим замечанием я частично согласна, поскольку зависимость социального самочувствия от материальной стороны жизни, от экономической ситуации в трансформационном украинском обществе еще достаточно сильна. Поэтому дисперсия интегрального индекса социального самочувствия на 69% объясняется дисперсией оценки экономической ситуации (см. рис. 1).

Впрочем, значительная напряженность по неэкономическим факторам в структуре социального самочувствия (особенно в сфере социальной безопасности), потребность в поиске нематериальных стимулов выдвигают необходимость учета такого компонента, который бы отражал уровень социального взаимодействия и его влияние на социальную стабильность, что, по мнению немецких ученых Р.Бергер-Шмита и Г.-Г.Ноля, означает сохранение для последующих поколений социетального капитала как единства человеческого, социального и природного капиталов [Berger-Schmitt, 2000: p. 11]. В то же время социальное взаимодействие, по определению этих авторов, должно выполнять две основные задачи: уменьшения несправедливости и неравенства в обществе и усиления социальных взаимосвязей и объединений.

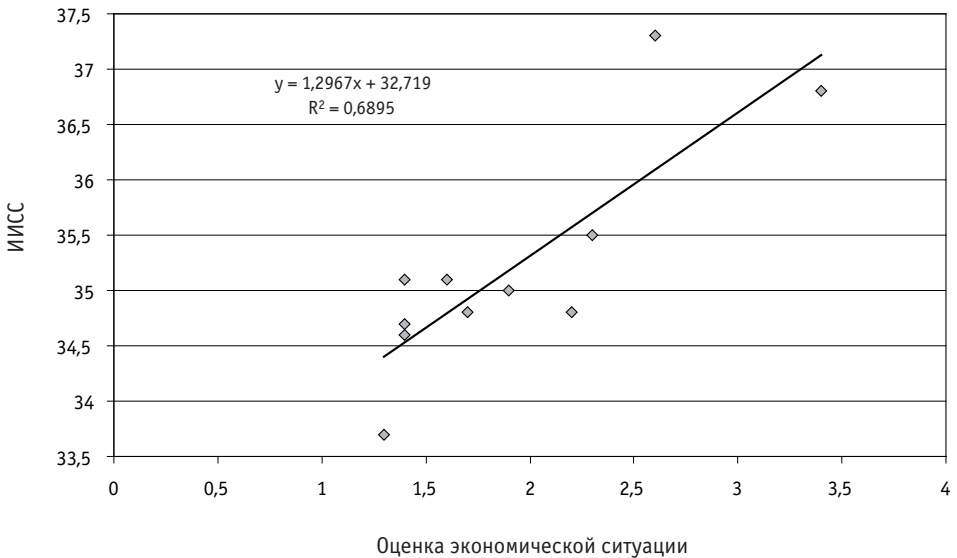

Рис. 1. Соотношение между интегральным индексом социального самочувствия и оценкой экономической ситуации в Украине

Депривационный подход к социальному самочувствию особенно пригоден для оценки реального состояния общества в период криз. Ведь в условиях глобальных критических ситуаций, переживаемых огромной массой людей, обществом в целом и всеми его социальными слоями, значительно обостряются социальные чувства. Если коренное изменение социальной организации общества, сопровождаемое потрясениями и трансформацией основ общественного порядка, будет способствовать превращению переживаний и страха перед новыми реалиями в их адекватное восприятие и тем самым откроет пространство для практической деятельности и социальных преобразований, то изменения в социальном самочувствии не будут приобретать крайне негативных тенденций для всего общественного организма. Однако обычно для приспособления к новым условиям, особенно с отрицательным вектором, нужно больше времени, чем для проявления изменений в показателях социального самочувствия. Поэтому на основе фактологической оценки уровня социальной депривации можно опосредованно делать наиболее четкие выводы в отношении реальной ситуации в обществе и, частично абстрагируясь от психологического (эмоционального) фактора, как можно скорее вырабатывать рекомендации по улучшению ситуации. Поскольку для социальной политики, в идеале, необходимо не только за короткое время проанализировать “температуру” социального организма, но и установить причины “болезни”, детальная структура актуальности и напряженности потребностей в материальных и нематериальных благах по интегральному индексу социального самочувствия способствует такому анализу.

Сопоставив структуру потребностей украинцев в 2010 году с показателями предкризисного 2008 года, можно сделать вывод о том, какие сферы жизнедеятельности более всего испытали влияние мирового финансово-

экономического кризиса, какие группы населения в первую очередь ощутили на себе его последствия и на чем нужно прежде всего сосредоточиться для стабилизации ситуации, улучшения показателей социального самочувствия и обеспечения позитивной динамики в социальном самочувствии населения Украины (см. рис. 2).

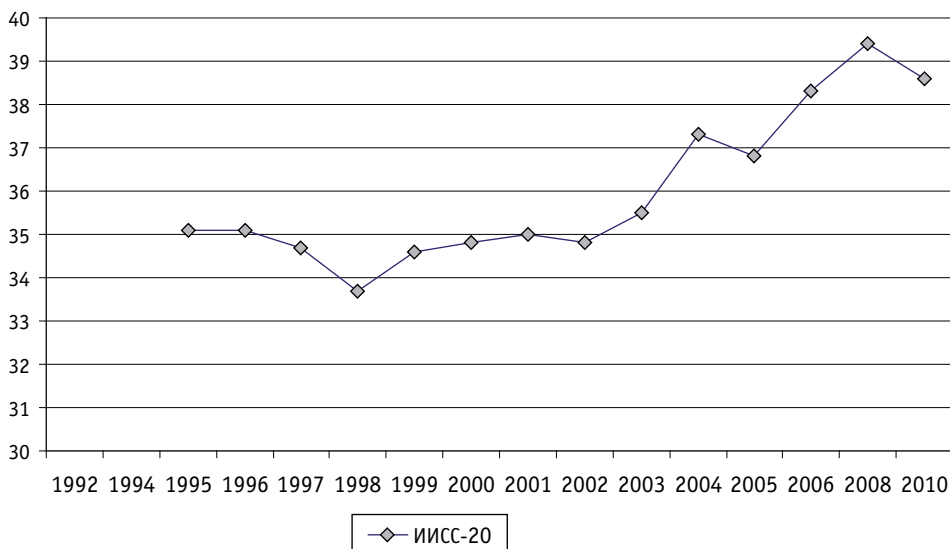

Рис. 2. Динамика социального самочувствия населения Украины

Ниже приводятся данные 2010 года (табл. 1), проранжированные по доле людей, указавших, что им не хватает определенного блага; рядом для сравнения — результаты докризисного 2008 года¹.

Самыми важными благами для людей², по результатам мониторинга, являются, разумеется, здоровье и уверенность в собственном будущем. При этом около 64% населения указывают на отсутствие четкого представления о своем будущем, хотя и ощущают необходимость самим обеспечивать себе такую стабильность. По степени актуальности потребность в сбережениях третья по важности, но менее всего удовлетворенная. 80% населения Украины ощущает потребность иметь сбережения “на черный день”, причем для женщин эта потребность более напряженная, чем для мужчин. Актуальными, но не решаемыми остаются также проблемы поддержания порядка в обществе и соблюдения действующих законов. Это, правда, остается неизменно важным в течение последних лет и не слишком зависит от экономических кризисов, а является скорее следствием затяжного общественно-политического кризиса.

¹ По результатам всеукраинского социологического мониторинга Института социологии НАН Украины (выборочная совокупность 1800 респондентов, репрезентативная по признакам пола, возраста, образования).

² Те, относительно которых получен наименьший процент ответов “не интересует”.

Таблица 1

Структура напряженности / актуальности социальных потребностей¹, %

Социальные блага	Те, кому данного блага “не хватает”		Те, кого данное благо “не интересует”	
	2008 (до кризиса)	2010	2008 (до кризиса)	2010
Сбережения, способные поддержать благополучие по крайней мере в течение года	74,7	80,2	1,9	1,5
Порядок в обществе	73,7	72,2	2,3	2,5
Соблюдение действующих в стране законов	68,3	68,8	2,9	2,9
Уверенность в собственном будущем	64,4	63,8	1,3	1,1
Возможность полноценно проводить отпуск	53,6	58,8	12,2	11,4
Необходимая медпомощь	48,4	52,0	2,9	3,8
Возможность дать детям полноценное образование	47,2	51,9	13,1	15,3
Возможность питаться в соответствии со своими вкусами	48,9	49,8	2,2	2,4
Юридическая помощь для защиты своих прав и интересов	48,4	49,4	11,0	12,2
Возможность иметь дополнительный заработок	41,0	47,2	17,9	18,4
Здоровье	45,8	46,5	0,7	0,7
Подходящая работа	37,0	46,5	14,8	14,9
Полноценный досуг	44,2	45,7	7,8	6,8
Современные экономические знания	38,2	38,5	18,6	19,8
Модная и красивая одежда	32,3	35,6	25,6	26,2
Добротное жилье	34,1	35,1	4,4	3,4
Умение жить в новых общественных условиях	34,9	33,2	5,05	5,2
Возможность работать с полной отдачей	27,2	32,7	12,5	9,5
Возможность покупать самые необходимые продукты	32,2	32,4	2,4	2,3
Уверенность в своих силах	29,7	28,2	3,0	2,6
Решимость в достижении своих целей	27,2	27,9	7,6	7,4
Необходимая мебель	27,0	27,4	12,0	10,9
Современные политические знания	27,5	24,7	24,4	28,3
Инициатива и самостоятельность в решении жизненных проблем	22,4	23,9	4,8	4,3
Необходимая одежда	21,0	23,7	5,9	6,4

¹ Данные ранжированы по напряженности потребностей для всего населения Украины в 2010 году.

Наиболее остро мировая кризис “ударил” по профессионально-трудовой и, как следствие, рекреационно-культурной сферах. Подходящей работы в 2008 году недоставало 36% мужчин и 38% женщин, а уже в 2010 ситуация значительно ухудшилась, особенно для “сильного пола” (49,5% и 44,3% соответственно). То есть мужчины по этому показателю чувствовали себя более депривированными, что само по себе крайне негативно, поскольку именно они часто являются едва ли не единственными кормильцами в семье. В итоге социальное самочувствие ухудшается не только у тех, кто непосредственно лишился работы, а значит, и источника заработка, но и у всех членов такого домохозяйства. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что проблема соответствующей работы острее стоит перед представителями молодого поколения: если среди людей старше 55 лет на нехватку подходящей работы сетуют около 23%, а для представителей среднего поколения (30–54 года) доля людей с напряженной потребностью подобного рода составляет 54%, то среди молодежи (18–29 лет) почти 60% считают себя необеспеченными соответствующей работой. Меньше всего кризис в этом аспекте затронул людей старшего возраста, тогда как в значительной мере пострадали люди трудоспособного возраста, которые, помимо себя, должны заботиться также о своих детях и родителях. В такой ситуации на рынке труда увеличилась (примерно на 6%) доля тех, кому не хватает возможностей для дополнительного заработка. Хотя следует подчеркнуть, что актуальность этой потребности по сравнению с предкризисным периодом не возросла. Это объясняется главным образом тем, что когда люди теряли основное место работы, о дополнительных возможностях для заработка речь уже не шла.

Именно депривационный подход в оценках занятости населения и влияния ее на социальное самочувствие в наибольшей степени применим для Украины. В зарубежной литературе низкие уровни субъективного благополучия нередко связывают с проблемой безработицы (Э.Дайнер, А.Кларк, Р.Лукас и др.), тогда как данные отечественной статистики касательно безработицы не соответствуют реалиям и оказываются существенно заниженными, а статус безработного не всегда сопровождается бедностью и низкими показателями удовлетворенности жизнью. В стране с крупным сектором теневой экономики такие люди могут быть весьма обеспеченными, а их социальный статус — стабильным [Новые социальные неравенства, 2006: с. 186]. Впрочем, неформальная занятость одновременно углубляет степень социального исключения, поскольку такие работники не попадают в область действия юридических и социальных гарантий в сфере труда. Учитывая это, вспомогательным, а порой и более адекватным способом получения информации о ситуации в профессионально-трудовой сфере оказывается мониторинг социологических данных, касающийся удовлетворенности своей работой, качеством условий труда, уровнем материальных и социальных гарантий и т.п.

Наиболее низкие значения индекса социального самочувствия наблюдаются у неработающей части населения (34,6% по сравнению со средним значением ИИСС для населения в целом — 38,6%), в большей мере среди женщин (37,6% против 39,6% среди мужчин), жителей села, хотя кризис не так сильно отразился именно на аграриях, о чем можно судить по практически неизменному ИИСС за последние два года.

Социальное исключение в Украине и его последствия, выражающиеся через самочувствие людей, можно проанализировать по типам поселения — сельского и городского. Для городского населения одной из причин попадания в группу социальной эксклюзии является разрыв социальных связей, одиночество. В категорию исключенных попадают мигранты, одинокие пожилые и молодые люди и т.п. Напротив, сельская эксклюзия связана не только с территориальным фактором, но и с отсутствием развитой социальной инфраструктуры (недоступность медпомощи, низкие доходы, ужасающие бытовые условия, невозможность пользоваться социальной защитой и т.д.). В Украине одним из специфических факторов, приводящих к социальному исключению сельского населения, является катастрофическое состояние дорог, что порождает множество экономических и социальных проблем в большинстве регионов государства. Вот некоторые из них: плохое транспортное сообщение между селами и районными центрами для жителей; нежелание, а порой и невозможность ведения бизнеса, в результате чего ухудшается ситуация с безработицей как результат нехватки рабочих мест; недостижимость качественной (а иногда и первой необходимой) медпомощи; неудовлетворительное состояние образования и пр. Перечень всех последствий, к которым приводит ужасающее состояние “артерий страны”, — задача отдельного исследования. Поэтому отмечу только, что выявление причин, а не результатов социального исключения и хотя бы частичное их устранение служит предпосылкой изменений и в показателях социального самочувствия в будущем.

Главным при рассмотрении социального самочувствия с позиции депривации является то, что люди ограничивают себя в тех или иных благах не потому, что им так хочется или по другим субъективным причинам, а потому, что они действительно не могут себе их позволить даже иногда. Это условие имеет важное значение, особенно в контексте социальной эксклюзии, ведь именно невозможность иметь те или иные блага, неспособность удовлетворить важные материальные и нематериальные потребности порождают длительную неудовлетворенность отдельными аспектами жизни.

Социально исключенными в украинском обществе чувствуют себя также люди с низкой самооценкой здоровья. В частности, подобная ситуация непосредственно касается депривированных по состоянию здоровья лиц (инвалидов I–III групп). Люди с функциональными ограничениями находятся в Украине в ситуации социального отчуждения, поскольку не могут воспользоваться правом на качественное образование, работу, медицину, не могут полноценно интегрироваться в культурную жизнь общества и т.п. При этом важнейшим показателем социальной эксклюзии данной группы в нашей стране часто является бедность. Они обычно оценивают свое материальное положение как нищенское или бедное. То есть их физическая депривированность переносится и на материальную сторону жизни, поскольку эти люди в Украине являются социально незащищенным слоем населения. Они не только нуждаются в обеспечении своих базовых потребностей и должного уровня медицинского обслуживания, но и остро ощущают необходимость в социально-психологической и юридической помощи. Им больше, чем другим, недостает уверенности в собственных силах и в то же время посторонней помощи и поддержки. Так, 80% инвалидов I–III групп отмечают, что им недостает соблюдения действующих законов и порядка в обществе. Повышение уровня социального самочувствия инвалиды усматривают в

интеграции в общество, должном восприятии их как полноценных членов социума, равенстве на рынке труда, возможности получать качественное образование и т.п. [Дікова-Фаворська, 2009: с. 274–276].

Приведенные примеры демонстрируют, каким образом депривационный подход к социальному самочувствию может быть интересен также при исследовании положения разных социальных групп, особенно тех, которые по различным причинам не ощущают себя интегрированными в общество. Кроме того, нужно подчеркнуть необходимость в постоянном мониторинге как населения в целом, так и наиболее проблемных и наименее адаптированных к современным условиям групп социальной эксклюзии.

Одним из главных механизмов, предполагаемых в рамках как эмоционально-оценочного, так и депривационного подхода к социальному самочувствию, является *социальное сравнение*. Ведь причиной того, что люди ощущают себя ограниченными в доступе к различным общественным благам, является преимущественно сравнение себя с другими. Такие процессы в человеческом сознании и на неосознанном уровне происходят постоянно. Люди привыкли сравнивать свое положение не с декларативными заявлениями власти, не со статистическими показателями, которые часто подвергаются манипуляции, а с реальной ситуацией, которую оценивают с позиции реального покупателя жизненно необходимых товаров и услуг. Поэтому социальное сравнение — неотъемлемый элемент повседневной жизни и поведения человека.

Под социальным сравнением понимают сопоставление условий своей жизни, форм и видов деятельности с аналогичными в собственном прошлом, а также с теми, которые характеризуют повседневную жизнь окружающих людей [Зборовский, 2005: с. 13].

Это явление всегда было предметом интереса социологов, поскольку через него можно объяснить многие процессы, происходящие в обществе. К социальному сравнению при построении своих концепций обращались, например, Г. Спенсер, К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, У. Самнер, Р. Бенедикт и многие другие социологи. В социальной психологии известна, в частности, теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера, в основу которой положен механизм социального сравнения (особенно это касается потребности в оценке самого себя по сравнению с другими). Непосредственно о последствиях подобного сопоставления для субъективного благополучия говорят ученые из лаборатории Э. Дайнера, а также Р. Винховен, Ф. Гаперт и др.

В большинстве случаев, когда речь идет о социальном сравнении, рассматривают отношения “человек – человек” или “человек – социальная группа”. Чувство депривации, соответственно, может проявляться как у отдельных индивидов, так и у социальных групп. В последнем случае можно говорить о чувстве групповой, социальной зависти. Например, XX век характеризовался распространением социальных движений за равенство (рабочие забастовки, женское движение за справедливость и равенство прав, движения национальных, этнических и половых меньшинств и др.). В этом контексте социологи исследуют социальное самочувствие сквозь призму существующего в обществе неравенства, когда одни чувствуют себя лишенными определенных преимуществ по сравнению с другими. Обычно ощущение социального неравенства возникает в результате неравного доступа к ресурсам, под которыми чаще всего понимают: доходы, власть и престиж.

Наконец, чувство социального неравенства влияет на мироощущение человека иногда даже больше, чем реальное ухудшение его материального положения [Veenhoven, 2008: p. 9].

Но существуют и другие уровни социального сравнения, на которые обращают внимание ученые. В частности, можно говорить о социальном сравнении, происходящем в определенном временном измерении (темпоральное). Люди могут сравнивать себя нынешнего и свое социальное положение с собой прежним и своими возможностями в прошлом. Такие сравнения, к примеру, преобладают либо в молодом возрасте, либо у людей старшего поколения. В первом случае индивиду “выгоднее” сравнивать этапы собственного жизненного пути, нежели сопоставлять себя с другими более опытными членами группы. Старшие люди, наоборот, скорее будут вспоминать свои прежние достижения вместо того, чтобы сравнивать свои возможности с потенциалом младших людей [Якимова, 2009: с. 118].

Особое значение при объяснении субъективного благополучия имеет сравнение реального и желаемого для индивида, то есть жизни как она есть с жизнью, какой она должна быть. Примером негативного влияния на такое соотнесение служит реклама, навязывающая искаженное восприятие мира и формирующая в сознании людей недостижимые стереотипы. В итоге увеличивается разрыв между реальными и желательными потребностями, что снижает социальное самочувствие людей. Кроме этого объектами социального сравнения могут быть различные сферы жизни человека и образ его жизни в целом как в пределах одной страны, так и за ее пределами, а также различные социальные процессы, факты, явления.

Социальное сравнение может иметь направленность “снизу–вверх”, когда, например, собственный низкий социальный статус или доход сопоставляют с более высокостатусным, материально обеспеченным индивидом, что, разумеется, будет снижать социальное самочувствие. Но зачастую выбирают объектом сравнения тех, кто находится в худшем положении (социальное сравнение “сверху–вниз”), и тем самым повышают свою самооценку. Хотя для более оптимистичных, счастливых, позитивно настроенных людей сравнение “снизу–вверх” может также выступать основанием для удовлетворенности жизнью, своеобразным стимулом для развития [Аргайл, 2003: с. 61–62].

Но не стоит чрезмерно акцентировать социальное сравнение как фактор удовлетворенности своей жизнью. Социальное сравнение, отмечает Р.Винховен, — это только один из видов информации, которую мы получаем из внешней среды, поэтому оно не может в полной мере определять и радикально изменять социальное самочувствие людей. К тому же, по его мнению, социальное сравнение не следует считать определяющим при исследовании субъективного благополучия, ведь человек — это живое существо со своими потребностями, целями, ценностями, и зависимость от социальных стандартов не является ни вполне очевидной, ни всеобъемлющей. Еще одной причиной задуматься, почему социальное сравнение не является определяющим при объяснении изменений в самочувствии людей, оказывается то, что, согласно логике, если акцентировать только его роль, то среднее значение субъективного благополучия на уровне всего населения должно было бы уравниваться, ведь если один человек чувствует себя лучше другого, соответственно, другой будет чувствовать себя хуже [Veenhoven, 2008: p. 5–7].

Принимая во внимание эти замечания, подчеркну, что отдельно анализировать влияние процессов сравнения на социальное самочувствие людей в рамках социологического анализа — далеко не первоочередная задача. Однако понимание социально-психологических процессов, происходящих при формировании определенных когнитивных представлений о собственной жизни, месте в обществе, доступности благ и т.п., целесообразно, например, в сравнительных исследованиях на уровне отдельных групп и даже целых обществ.

Учитывая стремительные и иногда непредсказуемые процессы, которые происходят в украинском обществе и связаны с трансформацией ранее устойчивой системы, имеет смысл отдельно остановиться на такой особенности человеческой психики, как способность адаптироваться к изменениям, ведь жизнь человека с начала и до конца — это адаптация к среде.

Понятие *адаптации* в широком смысле и медики, и биологи, и философы, и социологи, и психологи понимают как приспособление и применяют как к животным, так и к людям. Адаптацией называют и собственно процесс приспособления, и его положительный результат. Психологическая адаптация осуществляется путем приспособления человека к существующим в обществе требованиям в процессе согласования индивидуальных ценностей и убеждений с общественными нормами. Социальная адаптация является активным процессом приспособления к социальной среде, направленным на сохранение и формирование оптимального баланса между индивидом, его внутренним состоянием и окружающей средой здесь и теперь и в будущем [Психологический словарь, 1996: с. 19–20].

Идея о влиянии адаптации на социальное самочувствие возникла не спонтанно, а в результате попыток объяснить порой неожиданные результаты межнациональных опросов относительно субъективного благополучия людей. Как оказалось, такие демографические характеристики, как возраст, пол, не настолько влияют на самочувствие людей, чтобы считать их определяющими детерминантами при исследовании субъективного качества жизни. Но более всего ученых поразили данные, согласно которым уровень доходов людей тоже не является главным среди факторов. Именно это и побуждало, как подчеркивают Э.Дайнер и его коллеги [Diener, Suh, Oishi, 1997: р. 25–41], дать объяснение таким фактам, а затем теоретически обосновать их через процессы адаптации.

Как зарубежные, так и украинские ученые указывают на тесную связь социального самочувствия людей и социальной адаптации. Н.Панина, к примеру, рассматривает социальное самочувствие как “эмоционально-оценочное отношение людей к системе социальных отношений и к своему месту в этой системе” и считает его субъективным показателем степени социальной адаптированности [Панина, 2008: с. 43]. Социальное самочувствие людей, по мнению Г.Щербатовой, выступает “субъективным индикатором успешности процесса социальной адаптации населения к изменчивой социальной действительности” [Щербата, 2007: с. 18].

Замечу, что влияние на процесс адаптации человека объективных факторов и их субъективное восприятие могут иметь разнонаправленное действие и быть весьма непредсказуемыми. Возможны ситуации, когда изменения объективно имеют позитивный характер, а отношение к ним складывается негативное и наоборот.

Собственно это часто оказывается проблемой для выявления тонких механизмов изменений в показателях социального самочувствия. Вот почему в современных условиях актуализировались исследования взаимосвязи социального самочувствия и социальной адаптации человека к меняющемуся трансформационному пространству (в работах Е.Головахи, Е.Злобиной, Н.Козыревой, С.Кравцова, Я.Крупец, Н.Паниной, Н.Ходоровской, С.Хуткой, Г.Щербатой и др.). Так, С.Хуткая указывает, что соотношение между тем, насколько человек удовлетворяет свои потребности, и тем, насколько он расходует свои жизненные и адаптивные ресурсы для удовлетворения этих потребностей, резюмируется в том, как он ощущает и оценивает уровень удовлетворенности своей жизнью [Хутка, 2007: с. 28]. В монографии Н.Козыревой процессы адаптации рассматриваются сквозь призму эволюции социального самочувствия и развития толерантности в сознании людей. В этой работе использован комплексный подход к процессам адаптации населения, особенно в условиях радикальных социальных изменений. В частности, прослеживается динамика адаптации разных групп на этапе трансформации общества [Козырева, 2004].

Ученые, занимающиеся этой проблематикой, описывают различные формы социальной адаптации. Например, о добровольной адаптации можно говорить в том случае, когда новые способы социального действия не противоречат ценностям человека и соответствуют его личностным качествам. Вынужденная адаптация проявляется, когда человек сопротивляется новому и организует свою деятельность, опираясь исключительно на прежний опыт, социальное положение, связи (часто данная разновидность адаптации присуща пожилым людям).

Основной идеей при объяснении изменений в социальном самочувствии людей является то, что люди со временем привыкают как к позитивным, так и к негативным событиям в своей жизни. Однако, например в зависимости от типа темперамента, этот процесс может происходить медленнее или быстрее.

Кроме того, учитывая направленность личностных ожиданий, на что указывает Н.Соболева, можно выделить две главные жизненные стратегии адаптации [Соболева, 2002: с. 19] (см. табл. 2). Первая — стратегия выживания, вторая — стратегия достижения. Именно принадлежность к носителям одной из этих жизненных стратегий как способов адаптации к кризисным условиям, по мнению Н.Соболевой, точнее всего дифференцирует наше общество. К первой и наиболее распространенной группе принадлежат люди, которые, чувствуя растерянность перед новыми обстоятельствами жизни и идеализируя прошлое, воспринимают свое нынешнее положение в обществе как неблагоприятное. То есть уровень социального самочувствия у них заранее оказывается несколько заниженным, несмотря на объективные показатели. Пассивная стратегия адаптации обуславливает общее неудовлетворение экономическим, политическим, духовно-моральным состоянием общества. Придерживаясь иной жизненной стратегии, люди спокойнее реагируют на свою нынешнюю жизнь, способны активно преодолевать трудности и с меньшими опасениями воспринимают будущее. При таком более оптимистичном мировосприятии и показатели социального самочувствия человека будут адекватными, а то и завышенными по сравнению с реальным состоянием дел. Такие люди более оптимистичны в оценке перспектив общественного развития и имеют более высокую самооценку.

Таблица 2

Стратегии адаптации и их влияние на социальное самочувствие

Стратегии	Характеристики	Показатели социального самочувствия
Стратегия достижения (активный тип адаптации)	Оптимистичное восприятие себя, своего положения в обществе и собственных перспектив в будущем; активная жизненная позиция; преобладание внутреннего локуса контроля	Независимо от объективных обстоятельств субъективное восприятие себя в обществе реалистичное или завышенное
Стратегия выживания (пассивный тип адаптации)	Неудовлетворенность жизнью; негативизм в оценках внешних обстоятельств, идеализация прошлого, пессимизм и т.п.; преобладание внешнего локуса-контроля	Показатели социального самочувствия в основном занижены из-за неудовлетворенности жизнью; низкий уровень социальной активности

Если в процессе адаптации человек является активным субъектом, то, включаясь в общественную жизнь, он сохраняет свободу выбора социальных ролей, ценностей, форм и видов деятельности. Он является активным творцом своей жизни и несет ответственность за нее. Личные приоритеты, иерархия ценностей определяют поведение человека, что особенно важно на этапе разрешения внутреннего конфликта, связанного с выбором жизненного пути. Вектор активности в процессе социальной адаптации независимо от его направленности — на освоение внешней среды и ее активное изменение или внутрь себя (на смену собственных установок, поведенческих стереотипов) — позитивно коррелирует с социальным самочувствием человека. Это касается не только отдельного человека, но и всего общества, поскольку здесь налицо вмешательство социокультурного фактора (преобладание определенного типа адаптантов в пределах конкретного социокультурного пространства). Впрочем, следует отметить, что уровень социального самочувствия зависит не только от самого факта активной адаптации к нынешним условиям, но и от того, насколько успешным оказался этот процесс. Это весьма важный аспект при исследовании такого многогранного общественного феномена с позиции депривации. То есть активность, которая не выливается хотя бы в частичное удовлетворение актуальных для индивида потребностей, не оказывает устойчивого позитивного влияния на динамику социального самочувствия, влияя скорее только на психоэмоциональное состояние человека. На уровне общества не подкрепленные результатом действия людей воплощаются в негативных чувствах неверия, тревоги, пессимизма, а также в снижении доверия к социальным институтам, что порождает напряжение потребностей в социально-политической области, в сферах социальной безопасности и социальных отношений.

В украинском обществе, полагает Е.Злобина, все же существует тенденция к позитивному влиянию личностного фактора на процесс общественных изменений, поскольку постоянно увеличивается доля населения, которое «вступает в активную жизнь, не перестраивая, а выстраивая свои представления о реальном мире» [Злобина, 2002: с. 9]. Как раз такие люди и явля-

ются стабилизирующим психологическим фактором общества, поскольку сравнивают нынешнее не с прошлым, а с желаемым будущим. Основанием такого сравнения могут быть представления о настоящем, которое часто не устраивает людей. Если в обществе преобладают позитивные чувства, прежде всего оптимизм, надежда, радость и т.п., можно говорить о наличии базы для плодотворной активности и эффективной самоорганизации. И наоборот, сомнения, разочарования, растерянность служат источником деструктивных мыслей и поведения. Негативные последствия для социального самочувствия наблюдаются, если в обществе преобладают и ностальгические настроения, влияя на стиль жизни, установки, ориентации, поведение [Зборовский, 2001: с. 32]. В таком случае процесс адаптации к новым реалиям происходит медленнее.

Выводы

Социальное самочувствие, с одной стороны, является оценочной реакцией субъекта на систему социальных отношений и свое место в этой системе, а с другой — служит субъективным показателем эффективности государственной политики и отражает качество социальной системы.

В науке пока не выработано единого подхода к фиксации такого важного показателя, что усложняет, в частности, процесс проведения сравнительных межнациональных исследований. Эмоционально-оценочный подход, чаще всего применяемый для определения уровня социального самочувствия, имеет ряд недостатков в условиях динамичных трансформационных процессов. Поэтому более адекватным в таких условиях, особенно в рамках социологического подхода к социальному самочувствию, будет использование рационально-фактологических суждений о достаточности или недостаточности социальных благ в разных аспектах жизнедеятельности человека. Эта методика (Е. Головаха, Н. Панина) позволяет не только измерять актуальность и уровень напряженности материальных и нематериальных потребностей, но и вычислять интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС). Поскольку ключевым аспектом при этом является обладание благами, доступ к ним и удовлетворенность социальных потребностей, этот подход к социальному самочувствию можно считать депривационным.

В данной статье социальное самочувствие рассматривается в контексте таких понятий, как социальная депривация и социальная эксклюзия. Для выявления реального уровня социальной депривации в различных группах населения, а также напряженности потребностей у тех, кто по тем или иным причинам не интегрирован в общество, целесообразно применять депривационный подход с использованием ИИСС. В частности, это позволяет корректировать социальную политику в отношении таких групп, как безработные, инвалиды, малообеспеченные слои населения, жители села, молодежь, женщины, национальные меньшинства и др. Таким образом, депривационный подход к социальному самочувствию дает возможность шире посмотреть на чрезвычайно актуальные для украинского общества проблемы и искать адекватные пути их решения.

Источники

Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность / П. Абрахамсон // *Общественные науки и современность*. — 2001. — № 2. — С. 158–166.

Аргайл М. Психология счастья / Аргайл М. — 2-е изд. — СПб.: Питер, 2003. — 271 с.

Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению : [коллективная монография] : науч. докл. [Электронный ресурс] / под ред. Т.М. Малевой. — М.: Моск. центр Карнеги, 1998. — Режим доступа : <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/56800.htm>.

Бортник Р. Аналіз стану та зауваження щодо виконання Україною положень статті 30 Європейської соціальної хартії (переглянутої) [Електронний ресурс] / Р. Бортник. — Режим доступу : <http://commongoal.org.ua/ru/m/cochart/34-news.html>.

Головаха Е.И. Интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС): конструирование и применение социологического теста в массовых опросах / Е.И. Головаха, Н.В. Панина. — К.: ИС НАНУ, 1997. — 64 с.

Дікова-Фаворська О.М. Соціальне самопочуття людей з особливими потребами як соціальна проблема / О.М. Дікова-Фаворська // *Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи* : вісн. ХНУ ім. В.Н. Каразіна ; вип. 23. — Х., 2009. — С. 274–276.

Зборовский Г.Е. Социальное сравнение как повседневное явление и социологическая проблема / Г.Е. Зборовский // *Социологические исследования*. — 2005. — № 12. — С. 13–23.

Зборовский Г.Е. Социальная ностальгия: к исследованию феномена / Г.Е. Зборовский, Е.А. Широкова // *Социологические исследования*. — 2001. — № 8. — С. 31–34.

Злобіна О. Суб'єктна складова суспільних трансформацій: від теорії до практики емпіричного дослідження / О. Злобіна // *Соціальні виміри суспільства* : зб. наук. праць ; вип. 5. — К., 2002. — С. 3–17.

Козаченко І.О. Дослідження якості життя: універсалістська vs емпірична традиції / Козаченко І.О. // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства* : зб. наук. праць ; вип. 15. — Х.: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2009. — С. 201–206.

Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004. — 320 с.

Новые социальные неравенства / под ред. С. Макеева. — К.: ИС НАНУ, 2006. — 355 с.

Котляров С.Е. Социальная депривация как механизм социально-экономического реформирования современного российского общества : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. соц. наук : спец. 22.00.04 “Социальная структура, социальные институты и процессы” / С.Е. Котляров. — Ставрополь, 2006. — 22 с.

Панина Н.В. Избранные труды по социологии : в 3-х т. / Панина Н.В. ; сост. и ред. Е.И. Головахи. — К.: Факт, 2008. — Т. 2 : Теория, методы и результаты социологического исследования образа жизни, психологического состояния и социального самочувствия населения. — 2008. — 312 с.

Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. — М.: Педагогика-Пресс, 1996. — 440 с.

Рєвнівцева О.В. Соціальне виключення: проблеми визначення та дослідження / О.В. Рєвнівцева // *Демографія та соціальна економіка*. — 2008. — № 1. — С. 98–106.

Соболева Н.И. Соціологія суб'єктивної реальності / Соболева Н.И. — К.: ИС НАНУ, 2002. — 296 с.

Соціологія: терміни, поняття, персоналії : навч. словник-довідник / [уклад.: В.М. Піча, Ю.В. Піча, Н.М. Хома та ін.] ; за заг. ред. В.М. Пічі. — К.: Каравела ; Львів : Новий світ–2000, 2002. — 480 с.

Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России / Н.Е. Тихонова // *Мир России*. — 2003. — № 1. — С. 36–84.

Хутка С.В. Проблема вимірювання рівня соціальної адаптованості особистості: визначення ключового індикатора / С.В. Хутка // Наукові записки НаУКМА. Соціологічні науки. — К. : ВД “Києво-Могилянська академія”. — 2007. — Т. 70. — С. 27–33.

Щербата Г.М. Соціальне самопочуття як інтегральний показник соціальної захищеності населення / Г.М. Щербата // Вісник Міжнародного слов'янського університету. — Харків, 2007. — Т.10, №2. — С. 17–20. — (Серія “Соціологічні науки”).

Якимова Е.В. Социальное сравнение как объект социально-психологического анализа (Реферативный обзор) / Е.В. Якимова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11 “Социальная психология” : РЖ/РАН.ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. отдела социологии и социальной психологии. — М., 2009. — № 3. — С. 107–130.

Berger-Schmitt R. Conceptual framework and structure of a European system of social indicators / R. Berger-Schmitt, H.-H. Noll, // Euroreporting Working Paper. — Mannheim, 2000. — № 9. — P. 1–73.

Diener E. Recent Findings on Subjective Well-Being / Ed Diener, Eunhook Suh, Shigehiro Oishi // Indian Journal of Clinical Psychology. — 1997. — Vol. 24, Issue 1. — P. 25–41.

Townsend P. Deprivation / P. Townsend // Journal of Social Policy. — Vol. 16, Part 2. — 1987. — P. 125–146.

Veenhoven R. Sociological theories of subjective wellbeing [Electronic resource] / Ruut Veenhoven // The Science of Subjective Wellbeing: A tribute to Ed Diener'. — N. Y. : Guilford Publications, 2008. — Access mode : <http://publishing.eur.nl/ir/repub/asset/14879/2008c-full.pdf>.

Walker I. Fifty Years of Relative Deprivation Research / I. Walker, H. J. Smith // Relative Deprivation: Specification, Development, and Integration. — Cambridge, 2002. — P. 1–9.